

Научная статья

УДК 81'371

DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-73-84

**Феномен притворства
и его метафорическое представление
в русском языке**

Марина Владимировна Шпильман

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

s.m.v@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3931-6515>

Аннотация

На материале примеров из Национального корпуса русского языка анализируются некоторые способы метафорического представления ситуации притворства. Рассматриваются устойчивые сочетания *корчить из себя*, *надевать маску*, *прятаться за маской*, *рядиться в тогу*, *переобуваться на лету / в прыжке*, а также глагол *драпироваться*, в основе которых лежит театральная или игровая метафора. Отмечается, что *корчить из себя* описывает неискреннее поведение, которое воспринимается наблюдателем как избыточное и потому негативно оценивается. Сочетание *носить / надевать маску* акцентирует внимание на эксплуатации стереотипного образа, тогда как *прятаться за маской* используется ситуативно и позволяет временно спрятаться за образом, демонстрирующим противоположное испытываемому в данный момент чувству. *Драпироваться* и *рядиться в тогу* подчеркивают помпезность исполняемой роли, а сочетание *переобуваться на лету / в прыжке* используется для описания изменения мнения в угоду тому, кому подчиняется или служит говорящий.

Ключевые слова

ситуация притворства, неискреннее поведение, театральная метафора, игровая метафора, речевой жанр

© Шпильман М. В., 2023

Для цитирования

Шпильман М. В. Феномен притворства и его метафорическое представление в русском языке // Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 73–84. DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-73-84

The Phenomenon of Pretense and Its Metaphorical Representation in the Russian Language

Marina V. Shpilman

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation

s.m.v@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3931-6515>

Abstract

The article examines the phenomenon of pretense, which is included in the semantic field of deception. However, unlike lies, this phenomenon is not sufficiently studied, which brings about the relevance of the study of the metaphorical representation of pretense in the Russian language. Based on the material of contexts from the National Corpus of the Russian Language are analyzed as stable word combinations *to pose as someone*, *to put on a mask*, *to hide behind a mask*, *to dress up in the clothes of*, *to do an about-turn*, as well as the verb *to drape* (in its figurative meaning *to make a parade of*), which are based on a theatrical or game metaphor. A analysis of these word combinations has shown that *to pose as someone* describes insincere behavior that is perceived by the observer as excessive and therefore negatively evaluated. The word combinations *to hide behind a mask* and *to put on a mask* are used in cases where the purpose of the speaker is to conceal the true “face”, however, the word combination *to hide behind a mask* is used situationally. *To put on a mask*, on the contrary, focuses on the exploitation of a stereotypical image that is used repeatedly. The word combinations *to drape* (to make a parade of) and *to dress up in the clothes of* emphasize the brightness and pomposity of the role being played. The stable word combination *to do an about-turn* is used to describe a rapid change of opinion in favor of the one to whom the speaker obeys or serves.

Keywords

the situation of pretense, insincere behavior, theatrical metaphor, game metaphor, speech genre

For citation

Shpilman M. V. The Phenomenon of Pretense and Its Metaphorical Representation in the Russian Language. *Critique and Semiotics*, 2023, no. 1, pp. 73–84. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-73-84

Категории истинности и ложности давно являются объектом исследования разных естественных и гуманитарных наук, в том числе языкознания, где сформировалось целое направление – лингвистика лжи. В его рамках исследуются неискренние речевые акты [Дённингхаус, 1999; Безуглая, 2015], описываются жанрообразующие структурные компоненты речевого жанра лживости [Шаховский, 2005], модус истинностной оценки [Домышева, 2007], разграничиваются концепты *ЛОЖЬ* и *НЕИСКРЕННОСТЬ* [Плотникова, 2000], рассматриваются гендерные стереотипы поведения в ситуации притворства [Душкина, 2013] и др.

С. Дённингхаус рассматривает притворство как особый речевой жанр (в понимании М. М. Бахтина), а лицемерие и лесть – как его манифестации [Дённингхаус, 1999]. Исследователь отмечает: «Если ложь (центральный элемент поля “обмана” с точки зрения семантики прототипов) исследована хорошо и подробно, то детальное изучение других вербальных и невербальных актов “(попыток) обмана” (среди них – “притворства” и его видов: “лицемерия”, “лести”, “раболепства”), покрывающих важную часть этого обширного поля, на сегодняшний день развито слабо» [Там же, с. 215].

Исходя из этого актуальность исследования метафорического представления притворства не вызывает сомнения, тем более что, как отмечает А. П. Чудинов, метафора с позиций современной когнитивной лингвистики не просто троп для выразительности речи и создания более понятного образа, а форма мышления: «В коммуникативной деятельности метафора – важное средство воздействия на интеллект, чувства и волю адресата. Соответственно для ученого анализ метафорических образов – это способ изучения ментальных процессов и постижения индивидуального, группового (партийного, классового и др.) и национального самосознания» [Чудинов, 2001, с. 11–12].

В «Словаре русского языка» под *притворством* понимается лицемерное, лживое поведение, преследующее цель ввести в обман, в заблуждение (МАС), а *притворяться* – принимать какой-н. вид, чтобы ввести кого-н. в заблуждение, в обман (МАС). В коммуникативной ситуации притворства субъект преследует комплексную цель: 1) скрыть определенную информацию от собеседника; 2) заставить его поверить в то, что его высказывание или поведение истинно; 3) утаить от собеседника наличие цели скрыть информацию.

Для описания ситуации притворства чаще всего используются глаголы и глагольные сочетания как в прямом значении, так и в переносном, например: *притворяться, подделываться, изображать из себя, принимать*

вид, прикидываться, корчить из себя, разыгрывать (комедию), играть роль надевать / носить маску, прятаться за маской, драпироваться, лицедействовать, фарисействовать, перекрашиваться и др. Поскольку цель притворства – ввести в обман, в заблуждение, т. е. предъявить поведение, не являющееся истинным, закономерно, что большинство этих глаголов и глагольных сочетаний содержит театральную или игровую метафору.

Театральная и игровая метафоры входят в число наиболее распространенных и затрагивают разные сферы жизни человека, а потому эти метафорические модели хорошо изучены как в художественном тексте, так и на материале политического и медиадискурса. Как отмечает А. П. Чудинов, прагматический потенциал театральной метафорической модели «определяется ярким концептуальным вектором неискренности, искусственности, ненатуральности, имитации реальности: субъекты политической деятельности не живут подлинной жизнью, а вопреки своей воле исполняют чьи-то предначертания» [Чудинов, 2001, с. 115].

Выбор говорящим той или иной номинации для обозначения неискренного поведения человека определяется прагматическим компонентом значения этой номинации. Рассмотрим несколько номинаций, метафорически передающих притворство.

1. Корчить из себя. Слово *корчить* имеет три значения: 1. Сводить судорогами. 2. Кривить, исказить свое лицо, делая гримасы. 3. Стараться казаться кем-л., каким-л., прикидываться кем-л. (МАС). *Корчить из себя*, по сравнению с нейтральным *изобразить из себя*, предполагает ненормальность, которая обусловлена болезненной произвольностью (*сводить судорогами*), и, следовательно, возникает внезапно, неожиданно для адресата, отсюда и прагматический компонент ‘ненормальный, дурак’, что, в свою очередь, обуславливает значение ‘быть жалким’, например: *Вообще не было денег. Пришлось корчить из себя дурака. Чуть от стыда не умер* (А. Геласимов. Нежный возраст. 2001). Здесь *корчить из себя дурака* значит не ‘изобразить из себя дурака’, а скорее ‘выглядеть как дурак’, потому что предъявляемый образ жалок, ненормален, и чувство стыда обусловлено именно этим.

Другой вариант использования этого выражения предполагает кривляние ради смеха. В этом случае отсутствует цель ввести в заблуждение, это в чистом виде игра, которая понятна обеим сторонам, поэтому создающие образ действия чрезмерны, например: *Она смеялась надо мной, но ради*

того, чтобы слушать этот смех, я готов был корчить из себя дурака сколько угодно (М. Шишкин. Всех ожидает одна ночь. 1993).

В приведенных примерах номинацию для описания собственного неискреннего поведения выбирает сам говорящий, в тех же случаях, когда таким способом описывается чужое, наблюдаемое поведение, ситуация несколько иная. Рассмотрим примеры.

1) *Корчит из себя аристократку, а сама так захлामीла балкон, что это наверняка угрожает противопожарной безопасности всего дома.* (И. Халяпина. Райская яблоня. 2014); 2) *На самом деле Папайю зовут Вириш, но Авокадо решил взять выше. Раз он Авокадо, значит, и девушка у него должна быть с необычным именем. В силу художественного вкуса Папайя корчит из себя знатную леди. Сигаретку она курит через мундштук, напитки пьет через трубочку. Осанка у Папайи величественная. А прежде чем войти в артистическое кафе, Папайя надевает кружевные митенки* (И. Абузьяров. Финское солнце. 2013); 3) *И отсутствие тех естественных ужимок, дурашливых гримасок, которые он замечал за другими девочками в классе, восхищало Матвея. Она не корчила из себя «кисейную барышню», «воздушную принцессу», как это делала жеманная Кира Каплина. Она не несла себя горделиво, не одаривала своей красотой свысока, не позволяла разглядывать себя со всех сторон, чуть склонив голову набок и величественно застывая, как это делала Танька Васильева...* (С. Самсонов. Аномалия Камлаева. 2006).

Во всех примерах *корчить из себя* описывает не просто неискреннее поведение, а то, которое воспринимается наблюдателем как чрезмерное, подчеркнутое, избыточное – то, что называется «переигрывать», отсюда и отрицательная коннотация. Так, в первом примере образу аристократки (ср.: *аристократ* в переносном значении – ‘человек, отличающийся аристократизмом, хорошим воспитанием, изысканными манерами’ (РСС)) не соответствует поведение, описанное как *захлामीла балкон*. Противоречие между внешним, изображаемым, и истинным поведением женщины провоцирует у говорящего резко негативную оценку.

Во втором примере сочетанием *корчить из себя знатную леди* (ср.: *леди* – 1. Жена лорда или баронета в Англии. 2. Наименование замужней женщины, принадлежащей к буржуазно-аристократическому кругу в Англии (обычно присоединяемое к фамилии) (МАС)) характеризуется попытка создания образа высокородной дамы. При этом признаками знатной леди являются *мундштук, соломинка, кружевные митенки, величествен-*

ная осанка и необычное имя *Папайя*, которые в сумме создают комический шаблонный образ, поскольку они избыточны.

В третьем примере нормальное, естественное поведение одной девочки противопоставляется карикатурному поведению остальных, изображающих принцесс и кисейных барышень. Именно такое подчеркнуто ненатуральное поведение отталкивает Матвея, что выражается в таких характеристиках, как *неестественные ужимки, дурашливые гримаски*.

Таким образом, выражение *корчить из себя* реализует основное значение ‘принимать иной вид, казаться другим’, в то же время выражает прагматические смыслы ‘чрезмерность прилагаемых усилий’, ‘ненормальный, дурак’, а также ‘жалкий или смешной’.

2. **Надевать маску, прятаться за маской, носить маску.** Рассматривая театральную метафору, А. П. Чудинов выделяет такой фрейм, как «театральный реквизит», реализуемый концептами типа *ГРИМ, ДЕКОРАЦИЯ, МАСКА, КОСТЮМ, ПАРИК* и т. д., которые помогают скрыть истинные намерения за внешней пышностью речи или поведения [Чудинов, 2001]. Исследователь отмечает: «Подобное словоупотребление способствует формированию типовых для рассматриваемой метафорической модели прагматических смыслов “неискренность”, “помпезность”, “лживость”» [Там же, с. 121]. Эти смыслы реализуются и в устойчивых выражениях типа *надевать маску, прятаться за маской, носить маску*, а также *рядиться в тогу* и *драпироваться*. Однако представляется, что основным прагматическим смыслом подобных выражений является ‘скрыть, спрятать – лицо, чувство, состояние’, например:

1) *Крауш искоса поглядывал на Грачика и думал об усилии, какого должно стоить южному темпераменту прятаться за маску спокойствия при каждом новом «отрицаю». Только лёгкая хрипотца, появившаяся в голосе Грачика, выдавала меру его напряжения...* (Н. Шпанов. Ученик чародея. 1935); 2) *В этом плане российские исследователи... говорят о том, что современный пользователь сети – личность, полноценно раскрывающая свой контент в виртуальном общении, не прячущаяся за масками, которые на заре создания интернета превращали его в карнавал бахтинского толка* (Ж. Вавилова. Виртуальный карнавал как пространство знаковой репрезентации субъекта. 2014).

Состояние спокойствия Грачика в примере (1) мнимое, истинное состояние – напряжение – выдает легкая хрипотца. Сочетание *прятаться за маску* выражает желание героя не столько предстать перед адресатом в роли невозмутимого человека, сколько скрыть чувства, вызванные до-

просом и необходимостью многократного повторения одного и того же, ср.: *прятаться* – 1. Скрываться от других так, чтобы нельзя было увидеть, найти; 2. Стараться оградить себя от чего-н., уйти от того, что тяжело, неприятно (РСС). Маска спокойствия, за которой пытается спрятаться говорящий, противоположна тому, что он в данный момент испытывает: волнение, напряжение, возможно, гнев или раздражение. Такая маска ситуативна и не предполагает создания целостного образа.

Во втором примере *не прятаться за масками* – не бояться раскрыть свою личность, не быть анонимом, поскольку больше нет необходимости и потребности скрывать настоящее имя или придумывать сетевой образ.

Интересно, что устойчивые сочетания *надеть маску* или *носить маску* (ср.: *надеть (на себя) маску* – скрыть свою истинную сущность; притвориться. *Носить маску* – притворяться кем-л. или каким-л. (МАС)) тоже содержат сему сокрытия, однако в этом случае она не на первом плане, например: *А еще, как и многие литераторы, Пильняк носил маску – в данном случае разухабистого рубахи-парня, контраст которой с его оборотистостью в делах так поражал К. Чуковского* (С. Боровиков. Неопознанный Пильняк. 2011). Маска рубахи-парня (ср.: *рубаха-парень* (разг.) – открытый и непосредственный, простой в обращении человек (РСС)) нужна, чтобы представляться окружающим иным, при этом тщательно скрывая *оборотистость в делах*, и выбор контрастного истинному образу говорит о желании спрятать эту черту характера, возможно, даже от самого себя (ср.: *оборотистый* – то же, что оборотливый; *оборотливый* (разг.) – ловкий в ведении своих дел, умело пользующийся обстоятельствами для личной наживы (МАС)). Отметим, что в случае типизации маски (рубаха-парень) в фокусе внимания оказывается тот комплекс стереотипных представлений о поведении, в том числе речевом, который лежит в основе такой типизации. Иными словами, такая маска используется неоднократно, а создаваемый образ получается объемным.

Иной смысл возникает в том случае, когда маска не типизируется, к примеру: *Он просто надел маску и в течение всего фильма говорит с одним и тем же каменным выражением лица и остановившимся взглядом и с одной и той же интонацией* (Форум: Обсуждение фильма «Три мушкетера». 2008–2010). Здесь маской называется не столько сокрытие сущности, сколько застывшее, неестественное поведение: ср., *каменное выражение лица* – застывшее, неживое; *остановившийся взгляд* – неживой, неестественный; *одна и та же интонация* – неизменная, механическая, т. е. тоже неживая.

3. **Драпироваться, рядиться в тогу.** Интересно в плане реализации театральной метафоры использование глагола *драпироваться* (1. Набрасывать, накидывать на себя что-л., располагая живописными складками, 2. *перен.* прикрываться чем-л., скрывая истинное лицо, рисоваться чем-л. (МАС)) и выражения *рядиться в тогу кого-чего* (книжн.) – пытаться выдать себя за кого-л. или создать себе какую-л. репутацию, не имея на то достаточных оснований (МАС); *рядиться* (устар.) – переодеваться, наряжаться в необычную одежду, изображая в ней кого-л. ради шутки или участвуя в старинном святочном обряде (когда ряженые, переходя из дома в дом, желают хозяевам счастья в новом году, поют веселые песни, пляшут и т. п.) (МАС).

И *драпироваться*, и *рядиться в тогу* также передают семантику притворства и сокрытия истинного, но дополнительно к этому, в отличие от сочетаний со словом *маска*, выражают помпезность, напыщенность создаваемого образа. Кроме того, маска чаще всего обозначает некий стереотипный образ, роль, которую играет притворщик, тогда как глагол *драпироваться* используется применительно к исполнению только значимой, «высокой», с точки зрения притворщика, роли. Приведем примеры: *Jerote, напротив, любил драпироваться в роль наставника; видно было, когда он наказывал нас, что он делал это более для собственного удовольствия, чем для нашей пользы* (Л. Толстой. Отрочество. 1854); *Прежде Наташа драпировалась в любящую мать по отношению к Пете* (Л. Шапорина. Дневник. Том 2. 1946–1967); *По словам октябриста И. П. Шубинского, по его примеру «все драпировались в симпатию и уважение к народному представительству и к выдающимся выразителям его»* (А. Алексеев. Особенности реформ в «серебряном веке». 2007); *Был он Поэт с большой буквы, но в романтический плащ не драпировался, поэтических поз не принимал, и если писал о Пегасе, то его Пегас был симпатичным лохматым коньком, очень приятным, своим, близким* (А. Седых. Далекие, близкие. Воспоминания. 1979).

Примеры демонстрируют, что можно *драпироваться в роль* – наставника или любящей матери, когда к семе ‘притвориться’ добавляется сема ‘рисоваться, красоваться’ (ср. в определении «расположить живописными складками»); можно *драпироваться в чувство, эмоцию* или *состояние*, т. е. продемонстрировать не весь образ, как в случае с сочетанием *надевать маску*, а только ситуативную эмоцию / чувство – *драпироваться в симпатию и уважение*; можно драпироваться в предметы одежды, чаще всего плащ, тогу или мантию. Таким образом получается метафора в метафоре, ср.:

в романтический плащ не драпировался, где на значение 'скрывать истинное лицо' (*драпироваться*) накладывается значение 'играть роль благородного героя, героя-романтика' (*романтический плащ*). Другими словами, глагол *драпироваться* позволяет описать такую ситуацию притворства, когда человек создает образ кого-то, с его точки зрения, значимого, например наставника или любящей матери, как в примерах выше.

Аналогичным образом ведет себя устойчивое выражение *рядиться в тогу*, являющееся книжным, оно сочетает нечто возвышенное (тога) и низкое (рядиться), поэтому нередко используется для создания контраста между истинным и изображаемым, например: ***Рядится в тогу главного радетеля крестьян, а на деле этот плутоватый, трусоватый, уже преклонного возраста человек никогда не пойдет на риск, ничего не сделает без выгоды для себя*** (В. Егоров. «Завтра», 20.06.2003). *Радетель* (защитник) на деле оказывается корыстным человеком (ср. с сочетанием *корчить из себя* в таком же значении, однако в данном случае *рядиться в тогу* эксплицитно не выражает отрицательную оценку, а контраст основан на стилистическом приеме: высокое *рядиться в тогу радетеля крестьян* оказывается в одном ряду с *трусоватым* и *плутоватым*).

Итак, устойчивые выражения *надеть маску, носить маску, прятаться за маской*, а также *драпироваться* и *рядиться в тогу* в первую очередь выражают значение 'скрыть истинное', *маска* чаще обозначает стереотипный образ, эксплуатирующийся регулярно, *драпироваться* используется как в качестве синонима к выражению *носить маску*, так и для описания ситуативной роли или даже временной эмоции, чувства (синоним к *прятаться за маску* какого-то чувства или состояния). При этом *драпироваться* и *рядиться в тогу* передают, с точки зрения наблюдателя, напыщенность и помпезность исполняемой роли.

4. **Переобуться на лету / в прыжке.** Стоит сказать о еще одном способе метафорического обозначения притворства, при котором метафора не связана с театром или игрой и которым метафорически обозначается ситуация, когда человек меняет свои взгляды и убеждения на противоположные, т. е. скрывает свое истинное мнение и притворяется – в данный момент, в прошлом или всегда, обычно – в угоду тому, кому подчиняется или служит. Рассмотрим примеры: «*Переобулся на лету (в прыжке, на ходу, в воздухе)*» – так говорят в России о политике, который меняет свои убеждения, позицию, взгляды сообразно конъюнктуре момента. Он же –

«флюгер», «приспособленец», «двурушник» и т. д. (Яндекс-Дзен ¹); «Переобуванием в прыжке» можно описать реакцию депутатов и ведущих пропагандистов центральных телеканалов, которые на наших глазах поменяли свое отношение к выступлению спортсменов на Олимпийских играх в южнокорейском Пхенчхане: от слов про «унижение страны» и призывов к бойкоту до выражения слов поддержки нашим атлетам, которые готовы выступать под олимпийским флагом (В. Бачуров. Деловой Петербург. 2017 ²).

Быстрая и кардинальная перемена мнения, обусловленная «политикой партии», вызывает подозрение в неискренности, притворстве. В отличие от глагола *перекраситься*, метафорическое значение которого зафиксировано в словарях и связано с притворным изменением мнения (ср.: *перекраситься* (разг., перен.) – притворно измениться, скрыв свои взгляды, убеждения (РСС)), у глагола *переобуться* это значение появилось сравнительно недавно и употребление слова в этом значении еще не зафиксировано в Национальном корпусе русского языка.

Подводя итог, еще раз отметим, что глаголы и глагольные выражения, метафорически представляющие ситуацию притворства, передают разные прагматические смыслы: чрезмерность прилагаемых усилий, комичность образа, сокрытие истинного, неестественное, безжизненное поведение, помпезность и напыщенность исполняемой роли, готовность изменить убеждения, а основной метафорической моделью для описания ситуации притворства является театральная и / или игровая.

Список литературы

Безуглая Л. Р. Неискренние речевые акты и неискренние речевые жанры // *Жанры речи*. 2015. № 1 (11). С. 30–37.

Дённингхаус С. Под флагом искренности: лицемерие и лесть как специфические явления речевого жанра «притворство» // *Жанры речи: Сб. науч. тр.* / Под ред. В. В. Дементьева. Саратов: Колледж, 1999. Вып. 2. С. 213–227.

¹ URL: <https://dzen.ru/media/francofonia/pereobutsia-v-vozduhe-kak-ob-etom-govoriat-francuzy-5d93b11a86c4a900b028e912> (дата обращения 17.11.2022).

² URL: https://www.dp.ru/a/2017/12/14/Pereobuvanie_v_prizhke (дата обращения 28.11.2022).

Домышева С. А. Политический дискурс vs дискурс реагирования: оценка политика как «Человека неискреннего» в средствах массовой информации // Вестник ЧелГУ. 2007. № 22. С. 41–44.

Душкина О. С. Гендерный фактор в описании фрагмента «Притворство» концептуального поля «Обман» // Вестник Тамбов. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. Филология и искусствоведение. 2013. Вып. 8 (124). С. 228–232.

Плотникова С. Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах). Иркутск: ИГЛУ, 2000. 244 с.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. 238 с.

Шаховский В. И. Ложь (вранье) как речевой жанр (к теории жанрообразующих признаков) // Жанры речи: Сб. науч. тр. / Под ред. В. В. Дементьева. Саратов: Наука, 2005. Вып. 4. С. 218–241.

Список словарей

МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1981–1984. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения 30.11.2022).

РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. URL: <https://www.slovari.ru/default.aspx?p=235> (дата обращения 30.11.2022).

References

Bezuglaya L. R. Neiskrennie rechevye akty i neiskrennie rechevye zhanry [Insincere speech acts and insincere speech genres?]. *Speech Genres*, 2015, no. 1 (11), pp. 30–37. (in Russ.)

Chudinov A. P. Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991–2000) [Russia in a Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000)]. Ekaterinburg, 2001, 238 p. (in Russ.)

Domysheva S. A. Politicheskii diskurs vs diskurs reagirovaniya: otsenka politika kak “Cheloveka neiskrennego” v sredstvakh massovoi informatsii [Political discourse vs Reaction discourse: evaluation of a Politician as an “Insincere Person” in the media]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2007, no. 22, pp. 41–44. (in Russ.)

Dönninghaus S. Pod flagom iskrennosti: litsemeriye i lest' kak spetsificheskiye yavleniya rechevogo zhanra "pritvorstvo" [Under the guise of sincerity: hypocrisy and flattery as specific phenomena of the speech genre "pretending"]. In: Demytyev V. V. (ed.). Speech genres. Collection of scientific works. Saratov, 1999, iss. 2, pp. 213–227. (in Russ.)

Dushkina O. S. Gendernyi faktor v opisani fragmenta "pritvorstvo" konseptual'nogo polya "obman" [Gender factor in description of fragment "pretence" of conceptual field "deception"]. *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities. Philology and Art History*, 2013, iss. 8 (124), pp. 228–232. (in Russ.)

Plotnikova S. N. Neiskrennii diskurs (v kognitivnom i strukturno-funktsional'nom aspektakh) [Insincere discourse (in cognitive and structurally functional aspects)]. Irkutsk, ISLU Press, 2000, 244 p. (in Russ.)

Shakhovskiy V. I. Lozh' (vranyo) kak rechevoi zhanr (k teorii zhanroobrazuyuschikh priznakov) [Lie (lying) as a speech genre (To the theory of genre genesis features)]. In: Demytyev V. V. (ed.). Speech genres. Collection of scientific works. Saratov, 2005, iss. 4, pp. 218–241. (in Russ.)

List of Dictionaries

Evgenyeva A. P. (ed.). Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. In 4 vols. Moscow, Russkii yazyk, 1981–1984. (in Russ.) URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (accessed 30.11.2022).

Shvedova N. Yu. (ed.). Russkii semanticheskii slovar'. Tolkovyi slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii [Russian semantic dictionary. Explanatory dictionary, systematized by classes of words and meanings]. Moscow, Azbukovnik, 1998. (in Russ.) URL: <https://www.slovari.ru/default.aspx?p=235> (accessed 30.11.2022).

Информация об авторе

Марина Владимировна Шпильман, кандидат филологических наук

Information about the Author

Marina V. Shpilman, Candidate of Sciences (Philology)

Статья поступила в редакцию 01.02.2023;

одобрена после рецензирования 10.03.2023; принята к публикации 10.03.2023

The article was submitted on 01.02.2023;

approved after reviewing on 10.03.2023; accepted for publication on 10.03.2023